

Борис Чулков

ЯБЛОКО
ОТ ЯБЛОНИ

ВОЛОГОДСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО . 1963

486309

Борис Чулков родился в 1932 году в Вологде. Первые его стихи были опубликованы в наших областных периодических изданиях. Спустя несколько лет увидела свет и его первая книжка «Щедрый дождь» (1960). Она была тепло встречена читателями и критикой.

В книгу «Яблоко от яблони» вошли лучшие стихи поэта, написанные за последние пять лет. Это стихи о родном северном крае, милой сердцу Вологде, раздумья о судьбе своего поколения, об ответственности молодого человека перед народом и Родиной, стихи о высокой чистой дружбе, бескомпромиссной большой любви, о космосе и мироздании.

О Д Ы

ОДА ВОЛОГДЕ

Врезают полночь то и дело
гудки далеких поездов.
Он спит, накрытый ночью белой, —
один из русских городов.
Он здесь стоит, мужая, строясь,
не стар за долгие века.
На животе его, как пояс,
блестит спокойная река.
Вода не мчит, не убегает
куда-то за город, в кусты.
Вода стоит и отражает
дома и баржи и мосты...
Одной ногой почти в июле,
весь в оперении весны,
он спит, раскинув руки улиц,
и безмятежно смотрит сны.
Он спит, но завтра он проснется
и сбросит ночи забытье;
он спит, но завтра он возьмется
за дело верное свое.
По жилам всем его польется
поток машин, одежд и лиц...

С кем схож он? — спросят.
Мне сдается,
не с величавостью столиц.
Не схож он, нет, и с южным Сочи,
что грузной грудой фруктов горд.
Он горд, что он простой рабочий,
что труженик,
а не курорт!

ПЕСНИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

И зимы бывали зловещи,
и ночи — дремучи, как лес,
и вещи, обычные вещи,
теряли и ценность и вес.
Не думали больше про мебель,
забыли о шторах в окне,
все чаще мечтали о хлебе,
а он поднимался в цене.
Но все ж, несмотря на разруху,
что вносит с собою война,
стояли, не падали духом,
и песня бывала слышна.
О песни! Припомнить легко мне
и удаль всю вашу и грусть:
как лестницу в собственном доме,
я помнил вас все наизусть.
И днем напевали, и ночью,
в столице, в деревне глухой
о синеньком скромном платочке,
что послан был с фронта домой.
Певали про русскую душу,
про ненависть в русских сердцах,

певали про то, как Катюша
на фронт провожала бойца,
как в темную ночь вспоминает
о доме своем фронтовик
и как по зубам получает
немецкий барон фон дер Пшик.
И вальс офицерский певали,
в котором сквозила печаль,
и, как у солдат на привале,
здесь вальс и солдатский звучал...
Те песни припомнить легко мне,
всю удаль тех песен, всю грусть:
как лестницу в собственном доме,
я помнил их все наизусть.
Мы все испытали немало,
но, песня, ты с нами жила,
и как нас война ни пытала,
сломить нас она не смогла!

НА СВАДЬБЕ

И виноград,
и винегрет
горою высились на блюде;
и много зим,
и много лет
жить молодым
желали люди.
Вином шампанским занялись,
теплом радушия согреты,
и полетели пробки ввысь,
как в космос
русские ракеты.
Потом пошли из-за стола,
и хрупкою осенней льдинкой
сквозь волны вальса поплыла
старинно-русская пластинка.
А дальше с дисков
хлесткий джаз
навязывал свои законы
(там несколько парней,
смеясь,
курили трубки саксофонов).

Нашелся баянист
и стал
заметно с хмеля куролесить:
за вечер
русского играл
по просьбам и без просьб
раз десять.
И задробили каблуки,
и пол ходил, и стол с посудой,
и этот вечер
потолки
в квартирах нижних
помнить будут.
Но вот к столу вернулись вновь
и вновь
про «Горько!» не забыли
и за согласие и любовь
до дна бокалы осушили.
И голос разума звучал:
«Над головой да будет крыша!»
и каждый речи той внимал
и понимал
все то, что слышал.
И продолжал тот голос:
«Да!
Да будут свадьбы! — Не поминки!
Да будут целы города,
а биты — разве что пластинки!
И да не сгинет род людской,
а как дано природы властью —
пусть делит счастье муж с
женой —
неразделимое на части!

Смешно на этот щедрый мир
смотреть глазами неразумных!
Да будет пир
в стенах квартир,
не будет — буйства бомб безумных!»
И голос тот
торжествовал
и был для всех настолько ясен,
что каждый это понимал
и каждый с этим был согласен:
и виноград,
и винегрет
горою высились на блюде,
и много зим,
и много лет
жить молодым
желали люди!

ОДА МОГУЩЕСТВУ

Есть ощущение могущества:
тогда имею — без имущества,
тогда владею — без владычества,
тогда велик я — без величества,
я вижу сущность всего сущего,
всего, что в мире есть живущего,
интересуюсь я причинами,
то есть подпочвами, глубинами,
смотрю, как мед творится
пчелами,
весельем пышет от веселого
и робостью от слишком робких,
как жаром от горячей топки;
я знаю, что — в прошедшем
времени,
а что лежит пока —
лишь семенем,
и явь ли — некие явления
иль только плод воображения;
иной союз я вижу сделкою,
иное дело — лишь поделкою,
а, может, даже и подделкою;

и что в удел такому делу? —
Такому делу — смерть уделом.
Не свиньи выдумали свинство,
покой не есть обеспокоенность,
и у двоих, глядишь, — единство,
у одного, глядишь, — раздвоен-
ность.

Нет, не из книг
познаешь
знание,
как не за миг
воздвигнешь
здание,
но след —
меня приводит к следствию,
ответ —
рождает соответствие,
бренчу от всех дверей ключами я,
и мне уже не до молчания —
тогда беседую с читателем,
пускай не слишком занимательно,
но говорить хочу о сущности...
Есть ощущение могущества!

ОДА ЖАРЕ

День был огромен, лис, безветрен,
и пот с него ручьями лил;
на первое, второе, третье
он лишь жару преподносил.
Жара пылала. Магазины
в пыли обоев, тканей, книг,—
витрины, точно рты, разинув,—
лежали, высунув язык.
Жара стояла. И у зданий
мешались мысли в головах.
Асфальт вернулся в состоянье,
в каком он жарился в котлах.
Жара плыла. И люди с пива
на лимонад ушли пока.
Как битой рыбой после взрыва,
людьми кишела вся река.
Жара душила, даже в вечер
корнями вьедливо вросла.
Она легла на наши плечи,
до спазм крута и тяжела.
Лишь в миг, где ночь переломилась —
как ветвь под тяжестью плодов,—

струею тощей, с малой силой
повеял хилый холодок.
Но новый день вставал упрямо,
он рос и, точно шторм, крепчал
и ту же самую программу,
что и вчерашний, намечал.

ОСЕННИМ ДНЯМ

Эта тема пришла не вдруг,
эта тема была вокруг,
человек растворен был в теме:
ведь вошло наконец, мой друг,
неизбежной осени семя.
Семя осени... Листопад.
В силу входят иные законы:
за расцветом приходит распад,
лад — сменяют разлом и разлад,
вместо бодрости — вялость и сонность.
Сонность осени... Слабый звук —
слабый посвист, сходящий на шелест:
точно кто-то натягивал лук,
да стрела ослабела до цели.
Цель сегодня — раздеть донага.
Груды листьев. Охра и сурик.
Как кривые олени рога,
прорезаются сучья в лазури.
Есть лазурь? На сегодня была.
А на завтра, возможно, не хватит.
О растрата! Растрата дотла —
так, что нечего больше и тратить.

Да, растрата. Но я — за нее.
За нее голосую я смело.
За нее —
пусть одно воронье
от тоски ее
не улетело.
И хоть стонет тоска на ветру
и гнетет в перелесках березки,
Пушкин —
тянется чаще к перу,
Левитан —
за холстом,
а Чайковский —
свой тончайший, единственный слух
напряжет —
и услышит такое,
что навеки захватит дух
и навечно лишит покоя...

ПУСТОЙ СКВОРЕЧНИК

Взгляни на скворечник однажды:
жилплощадь пуста, словно фляга,
откуда с великою жаждой
до капельки выпита влага.

До капельки выпившим лето,
почуявшим силу и смелость,
от зябких осенних рассветов
скворцам далеко полетелось.

Не ждать же, покуда на липе
и дубе иссякнет одежда, —
есть крылья — и можно в Египет,
где красное лето, как прежде.

Да будут прославлены крылья,
дающие в жизни немало:
уйти от тоски и бессилья,
страхнуть и мороз и усталость.

Да будет им слава, дающим
вернуться на землю родную.

такую нагрузку несущим,
работу творящим такую,

что, судя по мощности крыльев,
те птичьи полеты за летом
такого же стоят усилья,
как наши полеты к планетам!

ОДА АВТОБУСУ

Давно хочу я взять автобус
в герои моего стиха;
он, работяга крутолобый,
встает, когда земля тиха.
В седьмом часу,
студеный воздух
глотаю и легко дыша,
он покидает краткий отдых
под прочной крышей гаража.
Обуты в шины, как в гамашаи,
две пары ног его — колес:
добротю,
хорошо,
не страшен
ни дождь,
ни ветер,
ни мороз.
На поворотах приседая,
как коренастый мужичок,—
спешит он, устали не зная,
не то бегун, не то ходок.
Он с остановками при встрече

привык здороваться всегда
и будит улицы далече
ритмичной музыкой труда.
Весь день в его железных жилах
течет бензиновая кровь,
и сердце бьется с прежней силой
и в рейсы гонит вновь и вновь.
Когда же светлой головою
нам фонари осветят путь,
ему и тут не до покоя:
работы — не передохнуть.
Дивлюсь, как он привык трудиться
и глаз до ночи не смыкать!
Домой лишь за полночь примчится,
а там чуть свет встает опять.
Встает он снова крутолобый,
когда рабочий люд встает...
Счастливый путь тебе, автобус,
герой, достойный громких од!

---

* * *

От асфальтированных улиц
меня всегда влекло туда,
где под окном рябины гнулись,
кусты шептались у пруда.
Из горницы с намытым полом —
едва рассвет — была видна
и мягкость клеверного поля
и леса колкая стена.
Да вот и это вспомнить стоит:
пилося из кружки так легко
слепяще — свежее, густое,
не городское молоко.
Ах, эта белая прохлада
в зеленый солнечный июнь...
Иль август яблоком из сада
манит к себе — и свеж, и юн...
Или тропинкой потаенной
сквозь редкий лес пройти к реке,
такой задумчивой и сонной,
уснувшей в чутком ивняке;
смотреть на хрупкие березки
на горизонте впереди

и слушать ветер августовский —
как он поет в ушах, в груди;
покой и рыжики в сметане
(не зря же ты бродил в лесу) —
закоренелый горожанин,
все это в сердце я несу.
Все это до того родное —
иного даже не хочу
и потому о крымском зное
и Черном море я молчу.
И потому мне лучший отдых
в неброском северном раю.
Здесь русский дух и русский воздух, —
об этом рае и пою,
где под окном рябины гнулись,
кусты шептались у пруда...
От асфальтированных улиц
меня всегда влекло туда.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ

Фантасты, авторы романов!
В твореньях ваших видел я
натяжек много и обманов,
а то и попросту вранья.
Там даже скорость света — брэнна,
сверхсветовую задают,
сквозь вечность
братья по вселенной
друг другу руки подают.
Иль там из мертвых воскресают,
проспав с десятков тысяч лет;
иль души близких
воплощают
в кристалл ничтожнейший...
Ну нет!..
Но век толкует мне — и часто:
«Ты — маловер, ты близорук!
Оставь ты этаких фантастов,
смотри реальней, милый друг!»
А ну взгляни:
какой походкой
со дня рожденья

я иду;
а ну сравни
с моторной лодкой
корабль,
летающий на звезду!
Сметаю скептиков угрюмых!
Вся суть моя — в таких словах:
о чем вчера еще не думал, —
сегодня — вот оно,
в руках.
Фантасты
кое-что загнули,
но у меня-то не обман;
и верь, что скажет их роман:
«Меня уже перешагнули!»

БЕТХОВЕН

Что если живописец вдруг ослеп?
И двух цветов не видеть:
день ли, ночь ли!
О нищий, у кого отняли хлеб!
О человек без цели и без почвы!
Зачем тогда и жить, скорбя, терзаясь,
мучась?..

Судьба дала ему почти такую ж участь.
В нем постепенно зрела — как на грех —
одна из этих медленных трагедий,
что обрекают все на неуспех,
закрыв пути к успеху и победе.
Практически не знающий границ
в стремительном полете вдохновенья,
он больше не услышит пенья птиц
и шума речки где-то в отдаленьи,
и ветра, что гуляет средь дубрав,
и шороха колышущихся трав,
и даже скрипа снега под ногами
и речи, пусть с любой белибердой...
Он слеп. Лишь не глазами, а ушами.
Но он не сдался. Он творил. Глухой.
Вовне — покой и тишь.

Внутри — потоки звуков,
что руслами тональностей текут.
Их ярый водопад не может, убаюкав,
заставить тихо спать и верить
в свой уют.
Он выткал, как паук, такую паутину,
что, души оплетя, заткала целый свет.
Искуснейший гончар, так замесил
он глину,
что для его созданий смерти нет.
И говорит с душой
и «Лунная соната»
(да не с моей одной!)
и «Аппассионата».
Я знаю, Ленин
ей восторженно внимал
и — лишь она с последней нотой
замерла —
«Нечеловеческая музыка», — сказал:
так человечна музыка была,
так гениальна музыка была!
Так зажигает.
Так зажгла.
Так будет зажигать
весь род людской...
Он был такой.
И он всегда такой!

ОДА ВЕЩАМ

По утрам затрезвонит будильник —
как кузнечик, что слишком уж звонок.
Я даю ему враз подзатыльник,
я его укрощаю спросонок.
По утрам говорливый приемник
сообщает, какие есть вести,
а потом — чтобы стало легко мне —
перейдет на зарядку и песни.
По утрам закипает кофейник, —
чуть зевнешь — и уж быть катастрофе.
Ах, какой он прекрасный затейник,
он мне варит живительный кофе!
Вещи милые, вы не устали?
До седьмого стараетесь пота.
Но уж если вы утром старались,
я до ночи смогу проработать.

ОДА УТРУ

Сон — это мирок. Он — и узок и тесен.
Встаешь поутру, окунаешься в утро —
и чувствуешь: мир — и весом и телесен,
и все в нем устроено просто и мудро.

Взять солнце — швыряется ливнями света
на землю с проросшею первой травой,
и кажется даже, что мертвого — нету,
что всюду — живое, лишь только живое.

Живое — не вое, ощущение минутно;
но мир улыбается, — мир, это чудо;
ведь в нем, пусть подчас

и не очень уютном,
живут и деревья, и звери, и люди.

А сон? — В нем все мертвое; нет в нем
ни шири,
ни красок, ни запахов, тонких и мудрых.

О радость — проснуться в наполненном
мире
и, встав, окунуться в бездонное утро!

---

* * *

Осадков в этот год — с избытком,
но все ж весна свое возьмет:
как будто на электроплитку
положит снег, положит лед.

Сосуды пашен наполняя,
затопит рощи и поля;
и, точно губка, все впитает
и станет жирною земля.

А там — хорошая примета,
что если снега — через край,
то животворной силой лета
взрастится буйный урожай.

***ВМЕСТЕ
С НИМИ***

* * *

Земля дала мне жизнь, а с этим
и хлеб, и воздух, и сады,
и цвет весной, и зелень летом,
и зрелой осенью — плоды;
дала июльский смуглый город,
пожар — закат на склоне дня,
и голос женщины, который
я слышу в сердце у меня;
дала вино в дорожной фляге,
участье дружеской души,
дала перо, дала бумагу —
пиши!

ПРОВОДЫ

Провожает
парня
девушка, —
не вдовушка.
Уезжает
в армию
бритая головушка.
За спиной —
котомка,
девятнадцать лет.
Речи здесь — негромки,
громких слов —
нет.
Проводы,
ох, проводы:
снег, а где — дожди.
Говорят без доводов,
только взглядом:
«Жди».
Жди. И верь:
не на смерть
держит путь солдат —

нынче в нашей власти
всех вернуть назад.
Так, младое племя,
Крепче жмите руки:
на часах — не время,
на часах — разлука,
что его увозит,
наказав писать,
а подругу просит —
ждать.
Поезд тронул.
Где уж там
бритая головушка?
Не печалься, девушка,
ты не будешь вдовушкой!

---

* * *

Трещат сверчки — совсем такие звуки,
но — между нами — разве здесь сверчки?
Здесь женщины, чьи пальцы и чьи руки
стремительны, подвижны и легки.
В них, право, что-то есть от музыкантов:
во-первых, точность надобно учесть,
к тому же, дело требует таланта,
в машинке же —
с роялем сходство есть.
И не боюсь нисколько ошибиться
и, не приврав, душой останусь чист, —
сказав,
что здесь мелодия ложится
в обличии строки на белый лист.
И, право, не испортишь этим вкус ты,
что, вслушавшись, присмотришься и ты
к тому,
с каким естественным искусством
они, как в ноты, смотрят на листы.
Как плоть и душу
ноты обретают,
когда мы их сыграем иль споем, —

под их рукою
форму принимает
аморфность букв, написанных пером...
Уходишь ты, конечно:
день — не долог
и куча дел не ждет в конце концов;
уходишь, но в ушах звенит осколок
симфонии стрекочущих сверчков.
Она надолго слухом сохранится
и долго будет в памяти звучать,
и долго после
эти руки-птицы
перед глазами будут пролетать.
Их труд —
верней, искусство их —
люблю я,
и в голове средь всякой чепухи,
когда зайду, когда на них гляжу я,
стихийно зарождаются стихи.

---

* * *

Как самовар, ты сходишь, паровоз,
в мир прошлого, почетного, такого,
что жизнь никак не пустит под откос,
а только заменяет чем-то новым.

И как же получилось это, друг?
На службу ты пришел еще парнишкой;
ты долго подвизался там
и вдруг
тебе вручают маленькую книжку.

Пусть пар-отец в крови твоей кипел,
а прыть передала карета-мама, —
твой век прошел.
Ты нынче не у дел,
когда дела спешат, как телеграммы.

Ну что ж, старик, пора и на покой —
чай, века полтора служил бессменно;
теперь — куда ни глянешь — под рукой
музейные повсюду будут стены.

И вот, в музейной лениости лежа,
с веками обрастать ты будешь пылью,
стоящие на страже сторожа
былиной будут звать тебя — не былью.

Но ты не в богадельне — ей же ей! —
ты просто постарел, пока трудился,
и так же, как бывает у людей,
другим — тебя моложе — заменился.
Что ж, отдыхай!

Ни ветра, ни дождя,
ни холода, ни зноя, ни загара...

Заслуженно на пенсию уйдя,
ты сможешь покалякать с самоваром.

-----

* * *

Легко существование голубей:
у них ни трещин в быте не бывает,
ни всяческих изысков и затей,
которые в итоге убивают.

Для нас: работа, праздник, кутерьма,
для них: воркуй, люби, летай да кушай,
и никакого горя от ума
вовсе не изведает их души.

Сейф памяти не надо запирать,
храня в нем обесцененные вещи,
для сущности не надо подбирать
тот переплет, который всех похлеще.

Все общее у них. К чему засов?
Все — цельное. Заботушки не зная,
не режут день на ломтики часов,
где каждая секунда подгоняет.

Вот так и существуют, черт возьми,
построив жизнь в подобных габаритах,

и что-то, что утрачено людьми,
у них осталось — как ни говорите.

Существованье их — без бед и лих,
о чем мы с сожаленьем часто судим.
И все же, оказавшись среди них,
я, черт возьми, завидовал бы людям.

---

* * *

Я уверен: память есть у стен —
помнят, как за ним закрылись двери:
то ль за то, что знал германский плен,
то ль за то, что в зло никак не верил,
то ль за то, что в городском кино
был не человеком он, а скрипкой,
то ль, — что помнил правило одно:
рук не жать запястных и липких,
то ль за то, что был еще не стар,
то ль, — что не нашел подругу жизни...
Вот гадай, за что такой удар:
вдруг ты — враг народа, враг отчизны.
Стены помнят больше нас, людей:
навсегда за ним закрылись двери;
но чтоб зло владело жизнью всей —
вместе с ним, оправданным,
не верю.
Торжествует на земле добро —
мы об этом забывать не вправе.
Я затем и взялся за перо,
чтоб его, — живучее, — прославить.

ПОРТРЕТ НА СТЕНЕ

А может ли быть, чтоб портрет говорил?..
...Жену свою бил он, посуду он бил,
пил, ночь не ложился, все рвал и метал.
Портрет на стене видел все и молчал.

А все же молчал ли? —

По-моему, нет!

Не зря люди вешают этот портрет
на стены в жилищах и зданьях своих,
портрет гуманиста, чей голос не стих,
тот голос, что правду великую нес —
чтоб не было больше ни горя, ни слез...

А здесь были слезы и боль и беда.

Он, глядя с портрета, молчал ли тогда?

Живым бы укором назвал я его...

Портрет говорил, не сказав ничего.

---

* * *

Когда закат приветствует звезду,
мудрит хозяйка в кухне у окошка,
ссединив в одно
сковороду,
подсолнечное масло и картошку.

Туда пойдет и белая треска,
все оросится мелким ливнем соли;
лавровый лист возьмет еще рука
и бросит перца маленькую долю.

Теперь приготовлениям — отбой,
розетка с вилкой ждут соединенья.
Ну что же, плитка, дело за тобой,
но больше — за хозяйкиным уменьем.

Как я люблю шипучий этот пир,
братание огня с трескучим маслом,
и запах, что струится из квартир
в тот час, когда заря почти погасла.

Мне хочется, чтоб запах тот летел,
распространяясь надо всей планетой,

и если б было можно, я б хотел
такой вот радиации, как эта.

Тут атомы никто не расщеплял,
тут кровь и ткань не будут распадаться.
Огромный бы котел я заказал
для получения этой радиации.

Но я увлекся. Стол уже накрыт.
Как облако, бела простая скатерть.
За мыслями приходит аппетит,
и эта проза тоже очень кстати.

Да проза ли? Она мне дорога!
Она сто раз с поэзией сроднилась...
Простой и мирный запах очага —
не зря нам жизнь дала такую милость.

---

* * *

Имена наших улиц,
имена городов, —
вы прострелены пулей
на дорогах годов;
вас везли в казематы,
вас Сибиркой вели,
в орудийных раскатах
через войны вы шли;
вы носили погоны
иль писали стихи,
открывали законы
или шли от сохи —
только были вы теми,
кто боролся за нас,
и сквозь черное время
видел нынешний час.
Ленин, Пушкин и Герцен,
Стенька Разин, Чапай...

О народное сердце,
список тот продолжай!
Пуля, плаха, изгнание,
заточенье, война...
Ныне — улиц названья,
городов имена.
Ваши судьбы и лица
не погаснут во мгле..
...Палачам и убийцам
места нет на земле!

---

* * *

Обновленье входит в переулок,
мне его дома преподают:
вместо старых, сгорбленных, сутулых —
юные, плечистые встают.

Время старикам не переспорить:
смерть
их деревянные тела
в печь — универсальный крематорий —
на своей телеге увезла.

Молодые — дольше их послужат:
каменное тело — не пустяк,
рост — пятиэтажный,
да к тому же
железобетонный есть костяк.

Переулок — весь помолодел он,
будто дряхлость вымела гроза,
и глядит уверенно и смело
времени в суровые глаза.

Облака на голубом экране
мчат на белоснежных парусах,
и заря при виде статных зданий
выйдет на высоких каблуках. —

Потому что всюду обновленье,
потому что старость — не к лицу.
Потому и я такой весенний
подхожу к знакомому крыльцу.

---

* * *

А кто-нибудь
да вспоминает,
быть может, изредка меня:
кто — с нежностью, не проклиная,
кто — злобно, с завистью, кляня;
кто с благодарностью вспомянет,
кто — ненависть в себе тая, —
в мозгу, как на телеэкране,
картина выплывет,
где я
да он, она или другие, —
совсем не важно сколько лиц, —
в провинциальной ли стихии
иль в суетливости столиц.
Их разбрелось по свету много,
с кем я учился, с кем дружил,
работал,
шел одной дорогой,
кого любил,
кого забыл.
И мне порой бывает горько,
что не всегда я был таким,

каким я должен быть,
поскольку
знаком был,
дружен
и любим.
И мне б хотелось,
чтобы чаще
тот, кто меня когда-то знал,
тот обо мне — о настоящем,
а не поддельном вспоминал,
чтоб, если кто и вспоминает,
то чаще думал про меня
иль с нежностью — не проклиная,
иль с благодарностью — ценя.
Мы все еще живем на свете,
где не окончен вечный бой,
и хочется,
чтоб чувство это
имел любой.

---

* * *

О как я ненавижу беспечальных
стиляжных разнаряженных ребят
за их язык, штампующий банальность,
как пробки для бутылок — автомат.
За их умение обойти и выйти,
за ход конем, за подлость про запас,
за их рекламу:

«Все, как мы, ходите!

Носите то, что видите на нас!»

На дне их взглядов видел я презренье,
на дне их слов презренье я читал,
а в остальном —
в их взгляде:

запустенье,
опустошенность,
пустошь
и провал.

Я видел их нехитрую веселость
и их завет: «Заветов больше нет»,
и было ясно, что король-то голый,
хотя и был сверхмодно он одет.

И пусть вы жили во сто раз безбедней,

не знавшие ни лиха, ни войны, —
насколько я богаче вас,
я — бедный,
и как же
вы — богатые —
бедны!

СТИХИ О ПОЖИЛОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Ты думаешь: падение валюты...
серебряный бесценнок седины...
Наверно, жизнь повертывалась круто,
и вот они — следы ее — видны.
Но он, представь,
не хочет да и только
стыдась, свои седины прикрывать —
ведь не разбита жизнь его нисколько,
и незачем осколки собирать.
За столько дел еще берутся руки —
не переделать все эти дела.
В дни праздников сыны его и внуки
сидят вокруг широкого стола.
Они кругом — как роца молодая,
он — глубже корнем, выше головой,
но, про любовь и юность запевая,
он, — как и все, — совсем не стар душой.
Как и они, он там же, где и люди,
и стоит непонявшим подсказать:
не надо так —
падением валюты —
серебряные пряди называть.

* * *

Сидит себе, тачает,
не так уж прост на вид,
набойки набивает
и мало говорит.
Да в разговоре ль дело? —
На руки бросишь взгляд
и видишь, что умелы,
и дело в них и лад.
Сгодились бы во многом
они наверняка,
да вот повинны ноги,
верней — одна нога,
вернее, то, откуда
вернулся он тогда...
Смотрите в оба, люди,
чтоб не пришла беда!

* * *

Мир без детей бывает строг и тих,
и все ж без них чего-то не хватает.—
Кто забавляет — взрослые ли их,
они ли — дети — взрослых забавляют?

На это я ответить не могу,
но все ж люблю частенько наблюдать
их —
тех непосед, что вертятся в кругу
наивных слов и простеньких понятий.—

Есть бой часов, к примеру. Есть кровать.
Есть аргумент, что дремлет даже кошка.
К тому ж, на неизбежность слова «спать»
указывает темень из окошка.—

И спят...

Но в атмосфере суеты
и выкриков и сломанных игрушек
за шагом шаг идут от простоты
по направленью к сложности
их дúши.

Когда приходит кто-то из гостей,
они соображают о конфете,—
пусть робко, но вникая в суть вещей
и в отношений спутанные сети.

По праздникам, когда у взрослых пир,
и им дадут по капельке спиртного,—
и странным предстает им сразу мир,
поскольку весела его основа.

Но для познания мира этот путь,—
как ни крути, — сомнителен и шаток
(хоть и не вечно лепетать и льнуть
или играть в медведей и лошадок).

Естественно, обычно, день за днем
идут напластования познания,
и мы с годами их не узнаем,
как не узнать фундамента по зданию.

Глядь: мозг окреп и начал принимать,
как радиоприемник, все сигналы..
Но здесь, простите, надобно кончать,
коль пишешь не о взрослых, а о малых.

МУЗЫКА

Они играли пальчиком одним,
и я решил блеснуть своим уменьем —
не потому, что я такой хвастун,
а потому, что стало просто скучно.
Я подошел: «Что, можно здесь сыграть?»
И вот меня с почтением сажают,
и я немедля стал перебирать
осиротелый рой забытых клавиш.
Я вещи им все легкие играл:
последние эстрадные новинки
и что-то из двадцатых, из тридцатых
и то, что прозвучало в дни войны.
Когда ж я оглянулся — был я сбит:
буфетчица, забывши о буфете,
официантки — о своих клиентах,
и кто-то с кухни, даже и швейцар —
все тут столпились, возле пианино.
Но чуда здесь не зрелось никакого,
наоборот — все было просто: это
все музыка наделала. Она лишь.
Как жаждущий к воде, они тянулись
к ней,
ловя ее губами, к ней тянулись...

* * *

Водитель баранку сжал,
водитель всю нажимает,
сквозь ночь проносясь на пожар,
где жизнь человека сгорает,
где мать не отходит от сына
иль дочь — от постели отца,
где страх —
ядовитой стрихнина —
вливается в чьи-то сердца.
Свет фар —
и сдвигается ночь.
Так смерть отодвинута будет.
Помочь человеку,
помочь
спешат беспокойные люди.

---

* * *

Широко
шагнуло
христианство,
далеко
метнулось
мусульманство
и подшил когда-то Ватикан
к делу
очень много всяких стран.
На безверье мы не обрекаем,
но от этих вер мы очищаем
ими оплетенные умы;
и уже теснятся эти веры,
мы сужаем их былую сферу
и на Марс, Луну и на Венеру
понесем иную веру мы.

---

* * *

За время, что сидел я у стола,
перед окном, ослепшим от мороза,
мир не дремал:
сырой туман рвала
разогнанная масса паровоза;
и, жизнь спасая,
медсестра ввела
движеньем точным
шприц кому-то в вену,
и выходили на ночную смену,
и женщина ребенка родила.
А я?
Несобран, несосредоточен,
раскалываясь в мыслях на куски,
я ничего не видел, кроме ночи,
и сердце не сказало ни строки.
Я не дал ничего, что должен дать.
Меня за это мало расстрелять.

-----

* * *

Художник хотел написать мой портрет,
да я закрутился — все времени нет:
автобус,
работа,
забота,
звонок —
так я до портрета доехать не мог.
И холст заполнялся лицом не моим,
и дым
папиросы вился не над ним;
и краски взывали:
«Ведь это — не ты!»
Меня ожидали
другие холсты.
Но я продолжаю обманывать их:
ну где в моем времени
место для них?
Лишь где-нибудь в старческом
дряхлом году
часы для портрета, быть может, найду.
Заметь:
я успею к портрету поспеть,
а нынче я буду работать —
заметь!

*ЗЕРНО
И КОЛОС*

* * *

Представь людей былой эпохи:
имея силушку былинную,
брались прапрадеды за сохи
и поднимали ширь целинную.
А в праздник — с радости ли,
с грусти,
на мир смотря глазами юными,—
брались прапрадеды за гусли,
простые ящички со струнами.
И лишь когда к священным
градам их
враги с мечами подступали,—
за тяжкий меч брались прапрадеды
и не корили, а карали!

* * *

Морщины на лице — следы резца.
Как изменяются черты лица,
когда своим резцом, ваятель-время,
касаешься ты нашего лица!
Но пусть лицо уже изменено,
пусть скоро старость постучит в окно,
ты все равно бессильно, скульптор-
время:
всегда кому-то дорого оно.

МАНЕКЕН

Видали? —
За стеклом витрины
в изящной позе предстает —
в шелку, в нейлоне, в габардине —
законодатель пышных мод.
Он может улыбаться людям,
смотреть на звезды и на снег;
но человеком он не будет.
Не будь и ты им, человек.

---

* * *

Ты скончался, поэт:
от дуэли — к могиле.
Но тебя не убили.
И тебя не забыли! —
От угасшей звезды
еще тысячи лет
к нам на Землю
доходит
серебряный свет...

СТИХИ О ПОГОДЕ

И сюрприз же опять уготован!
Летний день ему явно не рад.
В полдень — снег,
к половине шестого
приурочен стремительный град.

Порасклеилась что-то погода:
посрывалися с цепи ветра,
ночью холод трясет огороды,
пробирая их
аж до нутра.

Ох, чудак — незадачливый климат!
Нам вещают в прогнозе о том,
что весь город опять будет вымыт
неотвязным, настырным дождем.

Да. Но жизнь — это жизнь.
Прозябанье
не приемлется ею всерьез:
например, расписание свиданий
ты отменишь, жестокий прогноз?

В продолжительность всех твоих истин
я не верю:
они пролетят,
как сейчас —
ребятнею освистан —
гибнет смертью мгновенною
град!

---

* * *

Ты будешь юным, будешь юным,
навечно будет жизнь нова —
люби лишь свет, стихии, струны
и снежно-свежие слова.
Пускай седеет голова,
ты будешь юным —
лишь не верь им,
кто видит в солнечных деревьях
доходно-ходкие дрова.

* * *

Из желудя возрастает дуб
ветвистый,
дает песчинка жемчуг для ловца,
и соловей выходит голосистый
из мелкого, невзрачного яйца;
ревет поток, ворочая каменья,
хоть у истока струйка чуть видна...
Так зреет колосок стихотворенья
из мысли полновесного зерна.

---

* * *

Дома! Вы — памятники людям,
вы — памятники им за труд,
а мы о вас порою судим
лишь как о месте, где живут.
Да что дома! Имею мнение:
любое дело — лишь трудись —
по смерти станет продолженьем
того, что носит имя — Жизнь.

ИСКУССТВО

Ты видел лук, моркови связку
и груши редкостного сорта —
не утопи всю эту сказку
в холодной тине натюрморта!
Ты видел зелень стройных сосен,
баgreц и золото на вязах —
не заключи живую осень
в тюрьму настенного пейзажа!

ЧАСЫ

Часы устали.
Часы встали.
Они бежали,
они стучали,
они ковали
монеты мигов и минут,
но вот устали.
Встали.
Не идут.
Что ж, подойди
и заведи —
нетруден труд,
лишь подойди
и заведи.
Но вот когда в груди...—
тогда уже не подойдут
тогда уже не заведут,
тогда — капут.
И нужно нам секрет найти,
чтоб можно было подойти,
чтоб можно было завести,
чтобы часы могли идти
и жизнь — цвести!

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Сослагательное наклонение:

мог бы,
стал бы,
пришел бы,
узнал...

Все желанья и все стремления
сокрушает оно наповал.

Мог бы —
только что-то сдержало,
стал бы —
но не достало сил;
не пришел, не узнал, все
пропало,
все прошляпил, сгубил,
пропустил.

Но мы боремся,
и вычеркивает
это «бы»
людская рука
и, быть может, когда-нибудь
к черту
это вычеркнет из языка!

* * *

Хорошо, если песня поется
и слова не силком притягиваются,
если радость — ведрами льется,
а печаль — и совсем не подкрадывается,
если кто-то при встрече смеется,
а потом, отойдя, оглядывается.
Хорошо, когда сила в размахе,
много смеее и умеете,
и когда ни тревоги, ни страха
испытать еще не успеете,
и еще не сказал парикмахер:
«Эх, приятель, уже седеете».
Хорошо, если солнце смеется,
если сон счастливый привидится,
хорошо, когда доведется
с кем-то очень хорошим свидеться;
в это время и песня поется
и другая — еще предвидится.

* * *

Когда-то чистые, нестертые,
наследье бедных и богатых,
теперь измызганные, мертвые,
идут монеты к нумизмату.
Цари дарили их портретами,
орлом, и хищным и крылатым,
они ж для бедных были бедами
и богом были для богатых.
С восторгом чуть ли не ребяческим
старик подолгу в лапах вертит их,
и для него тем лучше качество,
чем больше лет прошло со смерти их.
Он их с усердьем очищает:
подзаржавели, затаскались;
но он, седой, не замечает,
что все они в крови купались.

* * *

Когда июль цветет у нас в краю
и небеса приветливы и сини,
мы на поклон являемся к ручью
и ходим в гости к вербе и рябине.
Заходим и к березам в хоровод,
и, отрешая от забот и тягот,
нам лес
хмельной напиток подает
из ароматов трав, смолы и ягод.
На то и лето.
Каждый выходной
спешим уйти от камня и железа
и в очередь встаем за красотой,
которую дают нам безвозмездно.
И, приобщившись к посвисту ветров
и побратавшись с влажностью речною,
яснеем мы и чувствуем без слов,
что на душу повеет чистотою.
Да, на счету души — не нищета,
не суета, тщеславие и зависть, —
цветут в ней чистота и красота,
цветут, как цвет, что дарит миру завязь.

* * *

Любая из яблонь, что осенью ясною
приносит плоды, наливные и красные,
разбойному ветру в лицо говорит:
«Пусть гнев твой все ветви мои
обнажит,
теперь мне не страшно. Возьми и ограбь
меня»...

Поэт — это тоже такая же яблоня,
с которой снимают тугие плоды,
а время срывает пустые листья.

---

* * *

Вхожу в квартиры. Вижу лица.
И жизнь вдыхаю грудью всей.
В какую летопись вместится
уютный запах свежих щей?
А звон бокалов, цвет сардинки,
когда за чье-то здоровье пьют,
а хрип надтреснутой пластинки —
в веках приют себе найдут?
Увы! Наивные вопросы!
Все будет брошено в окно:
и скуренная папираса,
и непроросшее зерно.
Приметы, свойства, звуки, вещи,
детали, мелочи, черты —
одно спасет вас от зловещей
тупой знобящей пустоты.
Стара идея эта ныне,
но все ж, когда на вас глядишь
в строке стиха иль на картине —
благоговеешь и молчишь.

* * *

Когда весомый, плотный ветер
свистит, кружась в пустых полях,
и шелест сада на рассвете
негромко слышен в чутких снах,
когда туманы над рекою
с утра свою расставят сеть
и так отрадно нам с тобою
в прозрачный вечер посмотреть,
когда земля — в опавших листьях,
багряно-желто-золотых
и все, на что ни оглянись ты,
так и спешит вместиться в стих —
тогда в словах и звуках роюсь,
ищу что нужно и найду...
Ты слышишь в них и ветра посвист
и шелест осени в саду?

МГНОВЕНИЯ

* * *

Газетой, пахнущею краской,
казалась утром мне весна:
так вид ее был не затаскан
и так свежа была она, —
раскройте сразу, без опаски,
читайте прямо из окна!

ЭХО

Гортань исторгла звук. Лавиной
он укатился в полутьму
стволов и веток, взял и сгинул
в листвы и хвои кутерьму.
Но через миг, пустой, тревожный, —
себя дословно повторив, —
пришел назад, как сабля в ножны
и как волна — к земле — в прилив.

---

* * *

А юность запускает голубей
в те небеса, которых голубей
потом уже не будет, не бывает,
и кажется (Не знаю я. Кто знает?),
быть может, это юность выпускает
саму себя из рук: «Лети смелей!»
Ты вспомнишь улетевших
голубей...

МЫ БОЛЬШОГО ПУТИ ПОЖЕЛАЕМ...

На одних ли деревьях весенних
понастроены скопища гнезд? —
Гнезда жизни висят во вселенной
между веток мерцающих звезд.
Но меж ними — пространства
провалы,
омут времени, вакуум лет,
излучений космических шквалы,
захлебнувшийся в темени свет.
Лектор скажет в словах
лекционных
о районах магнитных полей
и о минных полях мне напомнит,
где погибло немало людей...
Это все — затрудненья и бремя,
но огонь не погаснет в золе:
время в космосе — мертвое время,
но живое оно на Земле.
Здесь, под солнцем, оно не
напрасно
протекло для живого белка,

и со схемы
крылатые трассы
устремляются за облака.
Это космос — лишь ближний,
я знаю,
но мечту Человека люблю:
мы большого пути пожелаем
устремленному в высь кораблю.
Он пройдет по дорогам вселенной,
и, быть может, сквозь сотни
преград
с неземною Прекрасной Еленой
Сын Земли возвратится назад.
Возвратится с приветом оттуда,
от существ неизвестных планет,
из немислимой области чуда,
от землян передав ей привет.—
Потому что — по точным законам,
что еще не солгали ни в чем,—
гнезда жизни в пространствах
бездонных
нас зовут негасимым огнем.

---

* * *

Немало всяких драм
идет не только там,
где сцена есть. Их много и сегодня
за окнами квартир,
где с виду — тишь и мир;
их лишь не видно: занавес не
поднят.

* * *

Зеленое с красным ласкает мне
глаз...
Художники, ставьте скорее
мольберты
и кисти достаньте
и краски проверьте,
и пусть остается она про запас
для внуков и правнуков,
от листопада
спасенная,
от пустоты декабря,
и будет навечно
и будет не зря
она —
эта роскошь —
малина из сада.

МАРТ

Еще в снегу восток и запад,
юг, север, лес, поля, холмы,
но в ветре чувствуется запах
уже подтаявшей зимы.
Еще вся жизнь пока что дремлет,
но солнце будит тишину
и проектирует на землю
при помощи лучей —
весну!

СЕНТЯБРЬ

Не слышно голосов — не оттого ли,
что отдыхают жнейки и серпы?
На выбритом, но колющемся поле
расставлены дородные снопы.
Снопы, снопы — они на поле этом,
как шахматы, безмолвные стоят,
как будто осень здесь играла с
летом,
безжалостно ему поставив мат.

А где зимой зимуют раки?—
Да на обертках от конфет!
Живых — не видно:
сонным мраком
и слоем льда их мир одет.
И сад ты видишь лишь на стеклах,
сад — не живой: узоры льда.
Живое спряталось, поблекло
и вновь воскреснет лишь тогда,
тогда лишь вырвется из плена,
когда придет пора лучей
и ни единого полена
не нужно будет для печей,
когда, воюя с льдом и мраком,
весна —
в победной кутерьме —
покажет,
где зимуют раки
так ненавистой ей
зиме.

* * *

От крыльев гул. Вибрация.

Рокочут.

По тембру — самолет из облаков,
вся комната густой и сонной

ночью —

приют для налетевших мотыльков.
Зачем летят? Иль, может быть, они

там

изнемогли в глухой и горькой мгле,
и их влечет и тянет, как магнитом,
подобье солнца — лампа на столе?

-----

* * *

Ветер, вей. Нынче осень. Вей.
Состоялась встреча людей.
Двух людей. Его и ее.
Ветер, вей — это дело твое.
Эта встреча случайной была.
Их былая приязнь умерла:
ведь прошло много лет. Ветер, вей.
Состоялась встреча людей.
Ветер, вей же ты, наконец!
Вей. Не вышло встречи сердец.

* * *

Что если в этот мир,
весь занавешенный,
в зашторенный покой цветов
домашних,
ковров и вышивок —
ворвется бешено
нежданный вихрь? —
Что будет с днем вчерашним?

---

* * *

Осень носит цветной наряд,
только он от дождей линяет.
Осень красит и лес и сад,
только в них вся жизнь замирает.
Осень белым туманом встает,
только к полдню туман редеет.
Осень золото миру несет,
только мир от него — беднеет.

***ОБРАЩЕНИЕ
НА „ТЫ“***

ОПУСТИВ МОНЕТУ

Опускается
денежка —
откликается
девушка;
называется
номер —
отзываются
в доме.
Говоришь им:
«Пожалуйста,
нет такой-то,
скажите?..»
Отвечают безжалостно:
«Нет!
Попозже звоните!»
А когда там попозже,
если вечер метелен
и мороз бьет прохожих,
проходящих без цели!
Счастье — может быть
хрупким...

Звезды, в небе прорезавшиеся.
Тихо...
Вешаешь трубку
с ощущением, что вешаешься.
Телефон!
Ты же сложен
из столетий усидчивости,
ты настолько же сложен,
как отдельные личности;
но сейчас — ты железней,
чем консервная банка,
ты сейчас бесполезней
опорожненной склянки, —
принадлежность настенная!
Захлестну в будке дверцу!
Не дал соединения
с самым нужным мне
сердцем!

---

* * *

Помесь: город — деревня:
для пяти этажей —
шум и шелест деревьев,
крик и стрекот стрижей.

Рядом — домик с Трезоркой,
дремлют двери во двор.
Загорай на задворках —
солнце целит в упор.

Рыбаки
своих рыбок
окунают в реке,
шутят с оными
либо
возлежат на песке.

Точно бритва — осока:
можно бриться, поверь.
Воздух лечит заскоки,
исцелит от потерь.

Больше сини, чем зданий,
больше трав, чем дорог;
не на заднем здесь плане
лес, болото и лог.

Да, деревни здесь больше,
и она под рукой —
потому надо дольше
жить в державе такой.

Но железен и строг ты,
календарь отрывной:
вот и вышли все сроки,
вот пора и домой.

О сигнал электрички,
громче, громче кричи!
До свиданья, москвички,
да и вы, москвичи!

Скоро дома мы будем —
север сердцу родней,
но вовек не забудем
этих солнечных дней...

И тревожно и зыбко
веет тьмю ночной,
и в купе моя рыбка
едет вместе со мной.

и домочадцы —
забыто все,
забыты все.
Я начинаю быть открытым
ветрам, картофелю, траве,
скупому солнцу
и покрытой
спокойным золотом
листве.
Иду.
В полях сегодня осень,
но тянет
встретиться с весной.
В ней сходства нет
с русоволосой
знакомой
женщиной одной.

ГОВОРЯ БЕЗ СЛОВ

Сидишь — и щеки выбиваешь,
и разговариваешь редко,
и птицу мне напоминаешь,
что целый день проводит в клетке.
Но, птица в кассе магазина,
все говорят с тобой по-русски:
кому чего по части винной,
по части хлеба и закуски.
А я не раз уж замечаю
кольцо, надетое на палец.
Скажи мне, сдачу подавая, —
тебя уже окольцевали?
А, впрочем, ясно без вопроса,
еще яснее без ответа;
сейчас не время для расспросов:
я опоздал — когда-то, где-то.
Из клетки-кассы выйти можно,
но вот из клетки той, домашней —
почти настолько ж невозможно,
как возвратиться в день
вчерашний.

* * *

Разлука... Есть тысячи строчек
на эту избитую тему,
и ты, если только захочешь,
напишешь об этом поэму,—
напишешь, подобно поэтам,
как «сердце болит и болело».
Труднее не думать об этом
и делать обычное дело.

---

* * *

Половецких имен первозданность
чернокудрым таким подходила б,
и, живи ты в ту давнюю давность,
ты бы их языком говорила.
Ну, а я был бы волосом светел,
как моя сторона — северянка,
и уж если бы я тебя встретил,
я бы взял тебя в плен,
половчанка...

СИРЕНЬ

Когда теплеет неба бирюза
и шлет привет заре
жилец скворешни,
сирени белоснежные глаза
глядят на нас бесценным чудом
вешним.

Цветы дают уроки красоты
и лекции по нежности читают.
Кому
мужчина дарит вас, цветы?
Цветы,
он вас для женщины срывает.
Тем самым признаем мы,
что подчас
язык наш до того несовершенен...
и поручаем все сказать за нас
букету свежесорванной сирени.

* * *

Когда смолкают шум и голоса,
и ночь окно ослепит темнотою,
я вновь и вновь гляжу тебе в глаза
и пробую заговорить с тобою.
Но ты молчишь, как темнота окна,
и некого сейчас обнять за плечи:
у фотографий нету дара речи,
и в комнате — лишь я да тишина.

---

* * *

Стучите, друзья, стучите —
меня нынче дома нет;
мне некогда:
много событий
и разных приятных примет.
Мне жизни теперь не хватает,
чтоб выкроить время весне —
часы
так стремительно тают,
как этот худеющий снег,
как птицы проносятся стаяй...
Но все же, Весна, не грусти:
я даже друзей оставляю,
чтоб только к тебе уйти.

В МОТОРЕ ВСКИПАЕТ ДВИЖЕНЬЕ

В моторе вскипает движенье,
толкая машину вперед...
Да будет нам всюду везенье
и пусть невезенье умрет!

Здесь шумный раскинулся город,
нас ждет тишина деревень
и блюдо озерное скоро
в себе отразит хмурый день.

Поля по-осеннему скúпы,
с березы пикирует лист...
Водитель, прибавить газку бы,
врезаясь в неистовый свист. —

В свист ветра. Дорожный он житель,
естественный спутник машин.
Он их вопрошает: «Спешите?»
Они отвечают: «Спешим!»

Спешат по проселкам и трактам —
асфальт или глина иль шлак,

и двигатель четырехтактный —
такой по природе добряк.

Я верю в него, оптимиста.
В нем — сил непочатый запас
Сквозь область задорного свиста
везет он и грузы и нас.

И мчим по дороге осенней
и жаждем: скорей и скорей...
В моторе вскипает движенье —
смысл жизни машин и людей.

СОДЕРЖАНИЕ

Оды

Ода Вологде	5
Песни военной поры	7
На свадьбе	9
Ода могуществу	12
Ода жаре	14
Осенним дням	16
Пустой скворечник	18
Ода автобусу	20
«От асфальтированных улиц...»	22
Публицистическое	24
Бетховен	26
Ода вещам	28
Ода утру	29
«Осадков в этот год — с избытком...»	30

Вместе с ними

«Земля дала мне жизнь, а с этим...»	33
Проводы	34
«Трещат сверчки — совсем такие звуки...»	36
«Как самовар, ты сходишь, паровоз...»	38
«Легко существование голубей...»	40

«Я уверен: память есть у стен...»	42
Портрет на стене	43
«Когда закат приветствует звезду...»	44
«Имена наших улиц...»	46
«Обновление входит в переулок...»	48
«А кто-нибудь да вспоминает...»	50
«О как я ненавижу беспечальных...»	52
Стихи о пожилом человеке	54
«Сидит себе, тачает...»	55
«Мир без детей бывает строг и тих...»	56
Музыка	58
«Водитель баранку сжал...»	59
«Широко шагнуло христианство...»	60
«За время, что сидел я у стола...»	61
«Художник хотел написать мой портрет...»	62

Зерно и колос

«Представь людей былой эпохи...»	65
«Морщины на лице — следы резца...»	66
Манекен	67
«Ты скончался, поэт...»	68
Стихи о погоде	69
«Ты будешь юным, будешь юным...»	71
«Из желудя взрастает дуб ветвистый...»	72
«Дома! Вы — памятники людям...»	73
«Что юности нужно?...»	74
Искусство	75
Часы	76
Сослагательное наклонение	77
«Хорошо, если песня поется...»	78
«Когда-то чистые, нестертые...»	79
«Когда июль цветет у нас в краю...»	80
«Любая из яблонь, что осенью ясною...»	81

«Вхожу в квартиры. Вижу лица...»	82
«Когда весомый, плотный ветер...»	83
«Ты, человек — творец. Идя сквозь тьму веков...»	84

Мгновения

«Газетой, пахнущею краской...»	87
Эхо	88
«А юность запускает голубей...»	89
Мы большого пути пожелаем...	90
«Немало всяких драм...»	92
«Зеленое с красным ласкает мне глаз...»	93
Март	94
Подснежник	95
Сентябрь	96
«Здесь чистая застенчивая осень...»	97
«В аллеях, где ряды нагих акаций...»	98
Декабрь	99
«А где зимой зимуют раки?...»	100
«От крыльев гул. Вибрация. Рокочут...»	101
«Ветер, вей. Нынче осень. Вей...»	102
«Подсолнух на соседнем огороде...»	103
«Что если в этот мир...»	104
«Осень носит цветной наряд...»	105
«Ей льстит, что он пригожий и высокий...»	106

Обращение на «ты»

«Теперь, когда с погодой не блестяще...»	109
Опустив монету	110
«Помесь: город — деревня...»	112
Вспоминая	114
Говоря без слов	116

«Разлука... Есть тысячи строчек...» . . .	117
«Половецких имен первозданность...» . . .	118
«Я вспомнил в тихом переулке...» . . .	119
Сирень	120
«Когда смолкают шум и голоса...» . . .	121
«Стучите, друзья, стучите...»	122
В моторе вскипает движенье...	123

Борис Александрович Чулков
ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ

Редактор *В. В. Гура*
 Редактор издательства *А. П. Гусев*
 Художник *Е. А. Букреев*
 Худ. редактор *П. Ф. Макаров*
 Корректор *О. И. Медведева*

ГЕ04076. Под. к печ. 20. II.63 г. Бум. 70×90^{1/32}.
 Бум. л. 2. Печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 2,6.
 Тираж 4000. Цена 23 коп. Заказ 5085.

Областная типография, Вологда ул. Калинина, 3.